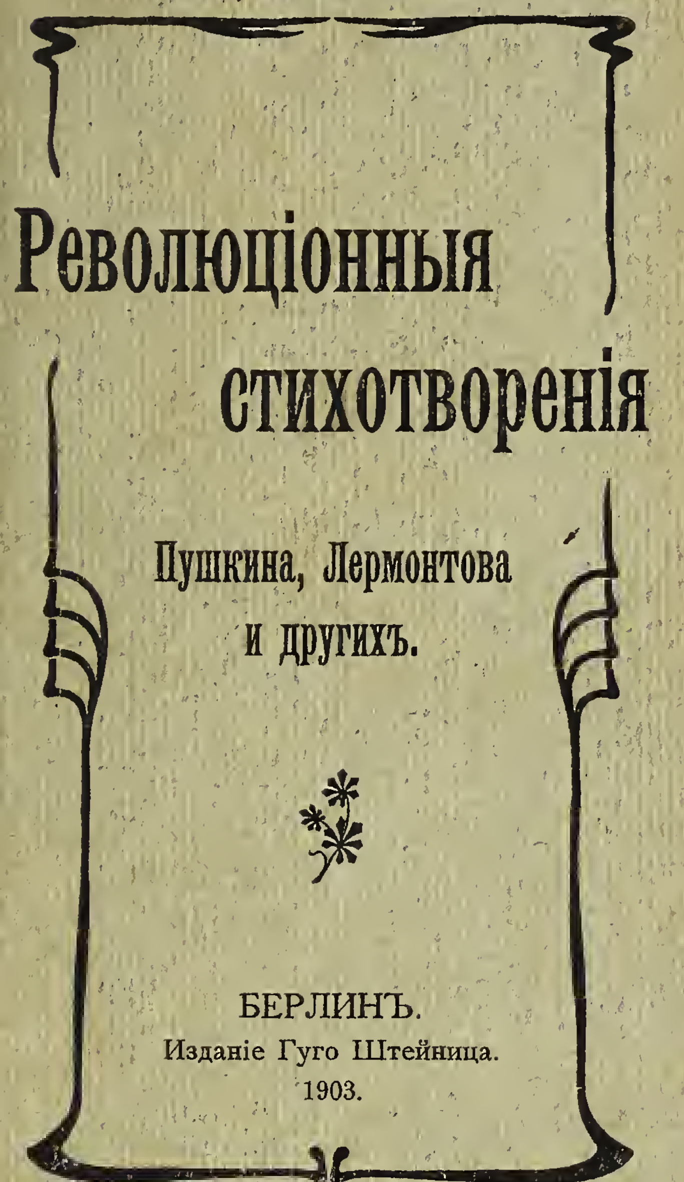
Revoliutsionnaia stikhot voreniia

Revolutionäre Gedichte
von Puschkin, Lermontow und anderen.

Революціонныя стихотворенія

Пушкина, Лермонтова и другихъ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
1903.

Berlin 1903. Hugo Steinitz Verlag.

Революціонныя стихотворенія

Пушкина, Лермонтова и другихъ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
1903.

Вольность.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла*),
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы — мужайтесь и внемлите:
Возстаньте, падшіе рабы!

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.

---

*) Андрей Шенье.

Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужде-
нiй,
Повсюду рабства грозный генiй
И къ славѣ роковая страсть.

Лишь тамъ, надъ царскою главой,
Неслышимо людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой,
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый
щитъ
Гдѣ, сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ —

И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ:
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.
Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не порода;
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ.

И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!

Тебя въ свидѣтели зову,
О! мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавныхъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
Падетъ преступная секира
И самовластная порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостью увижу!
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы;
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ —

Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью брошенный дворецъ. *)

Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами...
Онъ видитъ; въ лентахъ и звѣз-
дахъ,
Виномъ и злобой упоены,
Идутъ убійцы потаемны;
На лицахъ дерзость, въ сердце
страхъ!

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъёмный,
Врата отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наёмной.
О, стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри вторглись янычары,
Падутъ безславные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй.

---

*) Дворецъ Павла, нынѣ — Михайловскій замокъ.

Внемлите истинѣ цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона —
И станутъ стражею у трона
Народовъ: — вольность и покой!

1820.

❦

Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ
Гурьевъ грабилъ весь народъ,
Аракчеевъ куралесилъ,
Царь же ѣздилъ на разводъ.

Нынѣ Ливенъ мудрость нѣситъ.
Царь же вѣшаетъ народъ,
Рыжій Мишка куралеситъ
И по прежнему разводъ.

1826.

❦

Автору „Исторіи Государства Россійскаго“.

I.

Въ его „Исторіи“ изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

II.

На плаху истину влача,
Онъ доказалъ намъ безъ пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья.

1819.

Андрей Шенье.

Посвящено Н. Н. Раевскому.

Ainsi, triste et captif ma lyre toutefois
S'éveillait . . .

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ.

Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира —
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

Поднялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.
Пѣвецъ готовъ — задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ.

Заутра казнь — привычный пиръ народу.
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу —
Не измѣнилась до конца!

„Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ.
Когда ты въ бурѣ восходило.

Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развѣялъ пепломъ и стыдомъ.

Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскою отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію бестрепетный отвѣтъ.

Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все низпровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.

Уже въ безсмертный Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни,
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ.

Оковы падали. Законъ
На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: „блаженство!“
О, горе! о, безумный сонъ:

Гдѣ вольность и законъ? Надъ
нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ
палачами
Избрали мы въ цари! И, ужасъ!
о, позоръ!

Но ты, священная свобода —
Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна
ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты.
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ на-
рода

Скрывалась ты отъ насъ. Цѣлеб-
ный твой сосудъ
Завѣщенъ пеленой кровавой . . .
Но ты придешь опять со мщеніемъ
и славой —
И вновь враги твои падутъ.

Народъ, вкусившій разъ твой нек-
таръ освященнный,
Все ищетъ вновь упиться
имъ;
Какъ будто Бакхомъ разъярен-
ный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ.

Такъ! онъ найдетъ тебя подъ сѣнію равенства;
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ.
И буря мрачная минётъ.
Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства!...

Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
Но, други, если обо мнѣ
Священо вамъ воспоминанье,
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;

Страшитесь возбудить слезами по-
дозрѣнье:
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы
преступленье!
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ
братъ
Еще-жъ одна мольба: вы слушали
стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя
созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и
мечты,
И слезы, и любовь — друзья, сіи
листы
Всю жизнь мою хранятъ. У Авель,
у Фанни,
Молю, найдите ихъ; невинной музы
дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надмен-
ная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя
глава
Безвременно падетъ: мой недозрѣ-
лый геній
Для славы не свершилъ возвышен-
ныхъ твореній:

Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрной,
И долго слушая скажите: это онъ!
Вотъ рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь . . . И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница моя,
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая . . .

Но пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая
Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
Пора весны его съ любовію, тоской

Промчалась передъ нимъ... Красавицъ томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи,
Все имѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече . . . и стиховъ журчанье излилось:

„Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.

Когда-жъ вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
Я у ногъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ.
Она меня гнала, бранила и прощала —
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завели меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ.

На низкомъ понрищѣ съ презрѣн-
ными бойцами?
Мнѣ-ль было управлять строптн-
выми конями
И круто напрягать безсильныя
бразды?
И что-жъ оставлю я? Забытые
слѣды
Безумной ревности и дерзости нн-
чтожной!
Погибни, голосъ мой, и ты, и прн-
зракъ ложной —
Ты, слово, звукъ пустой . . ."
„О нѣтъ!
Умолкни, ропотъ малодушной!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
Ты презрѣлъ мочнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озорилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ;
Твой бичъ настигнулъ ихъ, каз-
нилъ
Сихъ палачей . . . . .
Твой стихъ свисталъ по ихъ гла-
вамъ;

Ты звалъ на нихъ, ты славилъ
Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву-Эвмениду!
Когда святой старикъ отъ плахи
отрывалъ
Вѣнчанную главу, рукой оцѣпенѣ-
лой,
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлый.
Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты,
свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай,
знай безбожный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ пре-
слѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губя —
Ты все пигмей, пигмей ничтож-
ный.
И часъ прійдетъ . . . и онъ ужъ
недалекъ:
Падешь, тиранъ! Негодованье
Воспрянетъ наконецъ. Отечества
рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.

Теперь иду . . . пора . . . но ты
ступай за мною!
Я жду тебя.“

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ,
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею.
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры . . .
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!
Звучатъ ключи, замки, запоры.
Зовутъ . . . Постой, постой, день только, день одинъ:
И козней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа.
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ.
Вотъ и плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ . . .

Сихъ палачей самодержавныхъ...
Плачь, Муза, плачь!...
1825.

Желали правъ они — права имъ и даны:
Изъ узкихъ сдѣлали широкіе штаны.
1826.

Жуковскому.

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся во дворецъ —
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камер-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!

На петербургское наводненіе.

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, не бѣда!
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась „Полярная Звѣзда“.

Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты.

Графинѣ А. А. Орловой Чесменской.

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
А грѣшной плотію
Архимандриту Фотію.

Графу В-ву.

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-мудрецъ, полу-невѣжда,
Полу-подлецъ — но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

Кинжалъ.

Лемноскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной . . .

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,

Но Брутъ возсталъ вольнолю-
бивый . . .
Кинжалъ, ты кровь излилъ — и
мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.
Изчадье мятежей подъемлетъ
злобный крикъ,
Презрѣнный, мрачный и кро-
вавый,
Надъ трупомъ вольности без-
главой,
Палачъ *) уродливый возникъ:
Апостолъ гибели — усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назна-
чалъ,
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду **).
Свободы мученикъ, избранникъ
молодой,
О, Зандъ ***), твой вѣкъ угасъ
на плахѣ!
Но добродѣтели святой
Остался блескъ въ казненномъ
прахѣ:

*) Маратъ.
**) Шарлота Кордэ.
***) Студентъ Карлъ Зандъ, убившій въ Мангеймѣ 23 марта 1819 г. тайнаго русскаго агента, поэта Коцебу, казненъ 21 мая 1820 г.

Въ твоей Германіи ты грозной
тѣнью сталъ,
И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.
1821.

Князю А. Н. Голицыну.

I.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ;
Проклятье, мечъ и крестъ и кнутъ.
Пошли намъ, Господи, грѣховымъ
Поменьше пастырей такихъ —
Полу-благихъ, полу-святыхъ.

II.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ холопская душа,
Просвѣщенія губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!
Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

III.

Онъ добрый милый, братъ сестри-
цамъ,
Онъ не былъ золъ ни для кого;
Скажите правду, князь Голицынъ,
Ужь не повѣсятъ ли его?

Князю Дундукову.

Въ Академіи Наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ, не подобаетъ
Дундуку такая честь;
Отъ чего-жь онъ засѣдаетъ?
Отъ того что ж... есть.

* * *

Мнѣ жаль великія жены,
Жены, которая любила
И дымъ (убійственной) войны,
И дымъ парижскаго кадила.
Въ аллеяхъ Царскаго Села
Она съ Потемкинымъ, съ Орло-
вымъ
Бесѣды (мудрыя) вела . . . . .
. . . .

Къ памятнику Александра I.

Всю жизнь провелъ въ дорогѣ
И умеръ въ Таганрогѣ.

Къ Оленной,

которой митрополитъ прислалъ плодовъ
изъ своего сада.

Митрополитъ, хвастунъ безстыд-
ный,
Тобѣ прислалъ своихъ плодовъ:
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно
Что будто самъ онъ богъ садовъ
Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой дряхлость побѣдитъ,
Съ ума сведетъ митрополита,
Желанья плути въ немъ родитъ —
И онъ, твой встрѣтя взоръ вол
шебный,
Забудетъ о своемъ крестѣ,
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.
1817.

Къ П. Чаадаеву.

Любви, надежды, гордой славы
Не долго тѣшилъ насъ обманъ.
Исчезли юныя забавы,
Какъ сонъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнётомъ власти роковой,
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья,
Мы ждемъ, съ томленьемъ упова-
нья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы;
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья —
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена!

1818.

Къ портрету П. Я. Чаадаева.

Онъ высшей волею небесъ
Живетъ на службѣ царской.
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ.
А здѣсь онъ — офицеръ гусарскій.

На воцареніе Александра I.

Сказалъ деспотъ: „Мои сыны,
Законы будутъ вамъ даны;
Я возвращу вамъ дни златые
Благословенной старины!“ —
И обновленная Россія
Надѣла съ выпушкой штаны . . .

Не вѣрю чести игрока,
Любви къ Россіи Поляка,
Не вѣрю и французской дружбѣ
И безкористью Нѣмца въ службѣ.

Николаю I.

I.

Великій государь,
Ты нашихъ бѣдъ виновникъ!
Хотя плохой ты царь,
За то лихой полковникъ.

II.

Едва царемъ онъ сталъ —
И разомъ начудесилъ:
Сто двадцать человѣкъ тотчасъ
въ Сибирь послалъ,
Да пятерыхъ повѣсилъ.
1826.

❦

Нѣтъ подлѣе до Алтая
Перваго Николая.
И тупѣе нѣтъ отъ Понта
Перваго Ксенофонта.

❦

Насильно Зубову мила,
Старушка дряхлая жила
Пріятно, понаслышкѣ — блудно,
Писала прозой, флоты жгла,
Съ Вольтеромъ лучшій другъ была
И умерла — садясь на судно.
И съ той поры въ Россіи мгла...
Россія — бѣдная держава:
Съ Екатериной умерла
Екатеринская слава!

❦

Отрывокъ.

I.

Недвижный стражъ дремалъ на
царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ
чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ и жребіи
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные
лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ
несли.

II.

И дѣлу своему Владыка самъ ди-
вился
„Се благо! думалъ онъ — и взоръ
его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы
и Невы,
Отъ царско-сельскихъ липъ до ба-
шенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара —
Все пало: подъ яремъ склонились
всѣ главы.

III.

Свершилось“, молвилъ онъ. „Давно-ль народы Міра
Паденье славили Великаго Кумира.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

IV.

Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла?
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно-ль судьбой народа
Ужь правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣреръ укрывалъ?

V.

Давно-ль? — и гдѣ же вы, зиждители свободы?
Ну чтожь? Витійствуйте, ищите правъ природы,

Волнуйте, мудрецы, безумную
толпу!
Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ?
О, грозные витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную
стопу!“

Уединеніе.

Привѣтствую тебя, пустынный
уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и
вдохновенья
Гдѣ льется дней моихъ невидимый
потокъ.
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный
дворъ цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблуж-
денья,
На мирный шумъ дубровъ, на ти-
шину полей,
На праздность вольную, подругу
размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты.
Вдали разсыпанныя хаты,
На важныхъ берегахъ бродяшія стада.
Овины дымные, и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учася въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,

Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ;
Не видя слезъ, не внемля стона,

На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ и собственность и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя.
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

О, если-бъ голосъ мой умѣлъ
сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства
грозный даръ?
Увижу-ли я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

1819.

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
„Я очень радъ“, сказалъ усердный
льстецъ:
„Отъ одного мерзавца міръ избавленъ“.
Всѣ смолкнули, всѣ потупили
взоръ;
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.

Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я — но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой одобрить.
Льстецы, льстецы, старайтесь сохранить —
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства!

1821.

Сказки.

(Noël.)

Ура! въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ.
Спаситель горько плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ.
Марія въ хлопотахъ Спасителя стращаетъ:
„Не плачь, дитя, не плачь, сударь
„Вотъ бука, бука — русскій царь!“ —

Царь входитъ и вѣщаетъ:
„Узнай народъ россійскій,
Что знаетъ цѣлый міръ:
И прусскій и австрійскій —
Я сшилъ себя мундиръ.
О, радуйся, народъ: я сытъ, здо-
ровъ и тученъ;
Меня газетчикъ прославлялъ;
Я ѣлъ, и пилъ, и обѣщалъ —
И дѣломъ не измученъ.

„Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ:
Лаврову *) дамъ отставку,
А Соца *) — въ жолтый домъ;
Законъ постановлю на мѣсто вамъ
Горголи **)
И людямъ всѣ права людей
По царской милости моей
Отдамъ изъ доброй воли."

Отъ радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
„Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?"

*) 2 цензора.
**) Горголи бывшій санктпетбрбургскій оберъ-полицмейстеръ.

А мать ему: „бай, бай! закрой свои
ты глазки;
„Пора уснуть бы, наконецъ,
„Послушавши, какъ царь-отецъ
„Разсказываетъ сказки!“
1819.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ,
У торгаша сего семъ пятницъ на
нѣдель.
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождика четвергъ.

Сѣятель.

„Издые сѣятель сѣяти
слово свое,“

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
Но потерялъ я толко время,
Благіе мысли и труды!
Паситель добрые народы —
Васъ не разбудитъ чести кличъ.
На что стадамъ дары свободы? —
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушкою, да бичъ!

Тимковскій царствовалъ — и всѣ
твердили въ слухъ,
Что врядъ ли гдѣ ословъ найдешь
подобныхъ двухъ.
Явился Бируковъ, за ними вслѣдъ
Красовскій:
Ну право ихъ умнѣй покойный
былъ Тимковскій!

„Сыны Отечества“ и „Вѣстники
Европы“
Полезны для умы, а болѣе для
ж . . .

Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ.

Избави Господи ума такого
Какъ у Александра Васильевича
Попова!
Слатвинскаго скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомірского чванства,
Каверина пьянства,

Гротовой скупости,
Хов — на глупости,
Суетливости Оффенберга,
Разсудительности Унгернъ-
Штернберга.
Чаадаева гордости,
Юш — ва подлости.
Креншина службы,
Сабурова дружбы,
Завадовскаго щедрости,
Гернгр — вой мерзости,
Кнабенау усовъ,
Пашковскихъ носовъ,
Салтыкова дикости,
Саломірскаго лихости
Слѣпцова смиренья
Кругликова пѣнья,
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молоствова хвалы
И Микешина килы.

1815.

Моя Родословная.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри, пожалуй, вздоръ какой,
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ.
Я просто русскій мѣщанинъ.

Понятна мнѣ временъ превратность:
Непрекословлю, право, ей;
У насъ нова рожденьемъ знатность
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ —
Бояръ старинныхъ я потомокъ,
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами, *)
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ, **)

*) Князь А. Д. Меньшиковъ, родоначальникъ фамиліи, былъ пирожникомъ въ Москвѣ.
**) Государственный канцлеръ князь А. А. Безбородко и князь Кочубей.

Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками, *)
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ, **)
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ: ***)
Куда-жъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ!

Мой предокъ, ради службы бранной,
Святому Невскому служилъ.
Его потомство гнѣвъ вѣнчанной
Иванъ четвертый пощадилъ.
Вознились Пушкины съ царями —
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

---

*) Графъ А. Г. Разумовскій, любовникъ и потомъ мужъ Елизаветы Петровны, былъ пѣвчимъ въ придворной капеллѣ.

**) Графъ И. О. Кутайсовъ, началъ службу при Павлѣ I какъ камердинеръ и цирюльникъ.

***) Предполагаютъ, что это намекъ на фельдмаршала графа Миниха.

Стиравъ крамолы и коварство,
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили —
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало нами дорожили,
Но я, я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ
подгадилъ;
Въ свою родню неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не по-
ладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ!
Его примѣръ будь намъ наукой —
Не любитъ спора властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долго-
рукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ, когда мятежъ под-
нялся
Средь петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденію третьяго Петра,
Попали въ честь тогда Орловы,

А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился — мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ,
И не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я просто Пушкинъ не Мусинъ.
Я самъ большой, не царедворецъ,
Я грамотѣй — я мѣщанинъ.

Ѳадей Булгаринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ проданъ за бутылку рома
И въ руки шкипера попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный,
Кормѣ роднаго корабля.

Сей шкиперъ дѣлу былъ доступенъ,
И сходно купленный Арапъ
Возросъ усерденъ неподкупенъ,
Царю наперстникъ, а не рабъ.

И былъ отцомъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ среди морскихъ пучинъ
Громада кораблей вспылала —
И палъ впервые Наваринъ.
1830.

А. Н. Муравьеву,

после представленія трагедіи его: „Битва при Тиверьядѣ".

Не всѣхъ бѣснующихъ людей
Богъ истребилъ при Тиверьядѣ —
И изъ утопленныхъ свиней
Одна осталась въ Петроградѣ.

Второе посланіе къ Аристарху.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ,
Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ!
Недавно тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,

Со всею братіей гонимый сово-
купно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ не-
много крупно:
Потѣшилъ языка бранчивою свер-
бежъ;
Но извини меня, мнѣ было не въ
терпешь.
Теперь въ моей глуши журналы
раздирая,
И бѣдной братіи стихонки разби-
рая
(А благо мнѣ читать теперь боль-
шой досугъ)
Обрадовался я, по нимъ замѣтя
вдругъ
Въ тебѣ и правила, и мыслей
образъ новый.
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ
лавровый!
И твердостью души, и смѣлостью
ума!
Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ, по милости
чудесной,
Завѣтныя слова: божественный,
небесный —

И ими назвалася (для риѳмы) красота . . .
Не оскорбляя тѣмъ и Господа-Христа,
Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило,
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои посланія хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею
Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
Отнесся я къ тебѣ по долгу моему;
Но мнѣ-ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю кому
Сей важной новостью обязана Россія.
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ:
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ
блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго
года;
Одинъ, среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ.
Отъ хлада нашихъ лѣтъ сберегъ
онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины!...

Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ
Омара да Али принялъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во
утѣшенье,
Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша.
И помогалъ ему Магницкій благородный,

Мужъ чистый въ правилахъ, душою превосходный
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ.
Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно: мрачная година протекла,
И нынѣ ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я съ перемѣною печатнаго правленья
Отставки цензору, признаться, ожидалъ;
Но самъ не знаю какъ — ты видно, устоялъ.

И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить.

Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ отъ тебя
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по дологу своему;
Но скромной истинѣ, но мирному уму,
И даже глупости невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной,
И если ты въ плодахъ досужаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ сопостата,
То славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

П—му.

Онъ третей гильдіи купецъ,
Второй съ Булгаринымъ предатели
Послѣдней гильдіи писатель
И первой гильдіи подлецъ.

Про себя.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь.
Я много обѣщаю —
Исполню ли? Богъ вѣсть!

Въ Сибирь.

(Декабристамъ.)

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье!
Не пропадетъ вашъ скорбный
трудъ
И думъ высокое стремленье

Несчастью вѣрная сестра —
Надежда, въ мрачномъ подземльѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Пріидетъ желанная пора:

Іюбовь и дружество до васъ
Цойдутъ сквозь мрачные затворы,
Сакъ въ ваши каторжныя норы
Цоходитъ мой свободный гласъ.

)ковы тяжкія падутъ,
`емницы рухнутъ — и свобода
Засъ приметъ радостно у входа —
I братья мечъ вамъ отдадутъ!
1827.

На Ѳ. И. Толстого.

ъ жизни мрачной и презрѣнной
ылъ онъ долго погруженъ;
олго всѣ концы вселенной
скверналъ развратомъ онъ.
о, исправясь понемногу,
нъ загладитъ свой позоръ,
теперь онъ, слава Богу,
олько что картежный воръ.

На Аракчева.

I.

сей Россіи притѣснитель,
убернаторовъ мучитель,
Совѣта онъ учитель,
царю онъ другъ и братъ.

Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, без
чести?
Просто фрунтовой солдатъ.

II.

Холопъ — —!
Благодари твою судьбу:
Ты стоишь лавровъ Герострата
Иль смерти нѣмца Коцебу . .

Пестелю.

Снесемъ иль нѣтъ главу свою -
Изъ полновѣснаго стакана
Твое здоровье, Пестель, пью,
И рвусь и злюся на тирана . . .
1821.

Въ Россіи нѣтъ закона —
А столбъ, и на столбѣ корона.

Памяти Рылѣева.

(Н. Огарева.)

Въ святой тиши воспоминаній
Храню я бережно года
Горячихъ первыхъ упованій,
Начальной жажды дѣлъ и знаній,
Попытокъ перваго труда.
Мы были отроки. Въ то время
Шло стройной поступью бойцовъ —
Могучихъ дѣялелей племя
И сѣяло благое сѣмя
На почву юную умовъ.

*

Вездѣ шепталися. Тетради
Ходили въ спискахъ по рукамъ;
Мы, дѣти, съ робостью во взглядѣ,
Звучащій стихъ свободы ради,
Таясь, твердили по ночамъ.
Бунтъ, вспыхнувъ, замеръ. Казнь проснулась.
Вотъ пять повѣшенныхъ людей...
Въ насъ сердце, молча, содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась
И путь означенъ жизни всей.

*

Рылѣевъ былъ мнѣ первымъ
свѣтомъ . . .
Отецъ! по духу мнѣ родной —
Твое названье въ мірѣ этомъ
Мнѣ стало доблестнымъ завѣтомъ
И путеводною звѣздой.
Мы стихъ твой вырвемъ изъ заб-
венья,
И въ первый русскій вольный
день,
Въ виду младаго поколѣнья,
Твою страдальческую тѣнь.

*

Взойдетъ гроза на небосклонѣ,
И волны на берега съ утра
Нахлынутъ съ бѣшенствомъ по-
гони
И слягутъ бронзовые кони
И Николая и Петра;
Но образъ смерти благородной
Не смоетъ грозная вода,
И будетъ подвигъ твой свободной
Святыней въ памяти народной
На всѣ грядущіе года.

Къ русскимъ друзьямъ.

(Мицкевича.)

Переводъ съ польскаго.

Помните ли вы меня? А я — когда думаю о моихъ друзьяхъ казненныхъ, сослянныхъ, заточенныхъ по тюрмамъ — такъ вспоминаю и васъ. Въ моихъ воспоминаніяхъ даю право гражданства вашимъ чужеземнымъ лицамъ.

*

Гдѣ вы теперь?... Благородная шея Рылѣева, которую я обнималъ какъ шею брата, — по царской волѣ — повисла у позорнаго столба. Проклятіе народамъ, побивающимъ своихъ пророковъ.

*

Рука, которую мнѣ протягивалъ Бестужевъ — поэтъ и воинъ — оторвана отъ пера и оружія; царь запрягъ ее въ тѣлежку и она работаетъ въ рудникахъ, прикованная къ чьей нибудь польской рукѣ.

*

А иныхъ, можетъ, страшнѣе постигла кара небесная: можетъ кто изъ васъ, опозоренный чиномъ или орденомъ, продалъ свою вольную душу за царскую милость и кладетъ земные поклоны у царскихъ пороговъ.

*

Можетъ онъ наемнымъ языкомъ славитъ царское торжество и радуется мученію своихъ друзей; можетъ онъ на моей родинѣ купается въ нашей крови, и хвастнетъ, передъ царемъ, нашими проклятьями, какъ заслугою.

*

Если издалека, изъ среды вольныхъ народовъ, долетятъ къ вамъ на сѣверъ, мои грустныя пѣсни, пусть звучатъ онѣ надъ вашею страною, и, какъ журавли весну, предскажутъ вамъ свободу.

*

Вы узнаете меня по голосу. Пока я былъ въ оковахъ, я свертывался какъ змѣй и обманывалъ деспота. Но вамъ открывалъ я

тайны моего сердца и былъ съ вами простодушенъ какъ голубь.

*

Я теперь изливаю на свѣтъ мою чашу яда. Горяча и жгуча горечь словъ моихъ; она вышла изъ крови и слезъ моей родины. Пусть же она жжетъ и грызетъ — но не васъ, а ваши оковы.

*

А если кто изъ васъ станетъ упрекать меня, то его упрекъ покажется мнѣ лаемъ пса, который такъ привыкъ къ терпѣливо и долго носимой цѣпи, что кусаетъ руку её разрывающую.

* * *

(Лермонтова.)

Ты зналъ ли дикій край подъ знойными лучами,
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтутъ?
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ?
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями?
И гдѣ являются порой
Умы и хладные и твердые, какъ камень;
Но мощь ихъ давится безвременной тоской
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за утѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей —
Другъ! Этотъ край — моя отчизна!

1829.

Французская революція.

10 іюля 1830 г.

(Лермонтова.)

Опять вы гордые возстали
За независимость страны,
И снова передъ вами пали
Тиранства низкіе сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося — побѣды мрачный знакъ!
Оно любимо прежде было славой *)
. . . .

*) Дальше недостаетъ.

Предсказаніе.

(Лермонтова.)

Настанетъ годъ — Россіи черный
годъ —
Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и
кровь:
Когда дѣтей, когда невинныхъ
жонъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить . . .
Чтобъ платкомъ изъ хижинъ вызывать . . .
И станетъ голодъ бѣдный край
терзать,
И зарево окраситъ волны рѣкъ!
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ

И ты его узнаешь — и поймешь
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный
ножъ.
И горе для тебя! . . . твой плачъ,
твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшонъ . . .
1830.

А. А. Ѳ. . . У.

(Лермонтова.)

О ты, котораго зовутъ
Мошенникъ, пьяница и плутъ,
Подлецъ, баранъ и мародёръ,
На сей листокъ склони свой взоръ.
И знай: его не я одинъ,
Но всѣ писали, сукинъ-сынъ!
Есть подлецы которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ,
Но, униженные, они
Во тьмѣ свои скрываютъ дни —
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ.
Въ жилищѣ смрада и г. . .
Твои блистаютъ имена;
Но прилагательными ихъ
Я не хочу марать свой стихъ . . .

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Еротическія стихотворенія

Пушкина и Лермонтова.

